ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

А. В. Бакунцев, кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: auctor@list.ru

К ИСТОРИИ КНИЖНОГО ДЕЛА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМИССИЯ РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО КОМИТЕТА В БЕЛГРАДЕ (1928–1937)

Статья посвящена деятельности одного из самых жизнеспособных книгоиздательств русского зарубежья – Издательской комиссии Русского культурного комитета в Белграде. Опираясь на неизвестные доселе материалы фонда Русского культурного комитета в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), автор рассказывает об истории учреждения, составе, основополагающих принципах деятельности Издательской комиссии, а также о трудностях, с которыми она столкнулась, и о причинах ее упразднения.

Ключевые слова: *Издательская комиссия, Русский культурный комитет в Белграде, Русское зарубежье, писатели-эмигранты, книгоиздание.*

The article is dedicated to the activities of one of the most viable publishing-house of the Russian Abroad – the Publishing Commission of Russian Culture Committee in Belgrade. The article is based on materials of the Russian cultural Committee Fund at the State Archives of Russian Federation, which have not been known until now. The author of the article tells us about the circumstances of creation, composition, fundamental principles of the Publishing Commission's activities as well as the difficulties it faced and the reasons for its elimination.

Key words: *Publishing Commission, Russian Culture Committee in Belgrade, Russian Abroad, writers-emigrants, publishing trade.*

Введение

Деятельности Издательской комиссии Русского культурного комитета (или, по-сербски – одбора) в Белграде посвящена сравнительно небольшая, но в целом весьма авторитетная исследовательская литература [см.: Арсеньев, 1996, с. 46–71; Качаки, 1991; Он же, 2003; Кодзис, 2002; Косик, 1992, с. С 20–32; Он же, 2007; Струве, 1996, с. 139; Шомракова, 2000, с. 21–22; Ђурић, 1990]. Тем не менее нельзя сказать, что эта деятельность изучена в достаточной степени. Разумеется, наиболее достоверные сведения об Издательской комиссии можно почерпнуть в публикациях тех иссле-

дователей, которые непосредственно работали с фондами Русского культурного комитета. Таких фондов всего два: один из них хранится в архиве Сербской Академии наук, другой – в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Кое-какие материалы, связанные с деятельностью Русского культурного комитета и его Издательской комиссии, хранятся также в Архиве внешней политики России.

На сегодня в исследовательской литературе лучше всего представлен сербский фонд Русского культурного комитета. Именно на его материалах основаны работы А. Б. Арсеньева, О. Джурича, Й. Качаки. Материалы из Архива внешней политики России использованы в статье В. И. Косика. Менее всего исследован фонд Русского культурного комитета в ГАРФ, хотя – судя по его объему и содержанию – этот фонд является наиболее полным и «репрезентативным». В его составе имеется значительный массив документов, связанных с деятельностью Издательской комиссии. Это в первую очередь протоколы заседаний Комиссии, ее переписка с Русским культурным комитетом и Державной комиссией по делам русских беженцев в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, а также обширная переписка с писателями-эмигрантами, чьи произведения были Комиссией изданы. Пока что этот богатейший архивный материал нашел отражение (к слову, совсем неадекватное – и по объему, и по содержанию, и по уровню общекультурной осведомленности) лишь в трех небольших публикациях старшего научного сотрудника ГАРФА. Л. Райхцаума в журнале «Исторический архив» [см.: Райхцаум, 1995, с. 136–146; Он же, 1997, с. 165–176; Он же, 1999, с. 192–199][1].

Данная статья основана на малоизвестных материалах фонда Русского культурного комитета в Белграде, который хранится в

[1] По поводу этих публикаций хочется сказать следующее. Во-первых, совершенно неясен принцип отбора документов для всех трех публикаций, предметом которых была переписка Издательской комиссии с А. И. Куприным, А. В. Амфитеатровым и И. А. Буниным. Например, из 52 эпистолярных единиц, составляющих переписку И. А. Бунина с Издательской комиссией, А. Л. Райхцаум опубликовал лишь 9 писем, мало меж собой связанных. Во-вторых, вне поля зрения публикатора остался огромный массив переписки Издательской комиссии с другими писателями-эмигрантами. В частности, переписка с Д. С. Мережковским представляет собой собрание, насчитывающее не менее 200–300 архивных листов, и, судя по листку контроля, эта – весьма пухлая – папка еще никем не изучалась. Словом, все эти материалы ждут своих исследователей и публикаторов.

ГАРФ[2]. В числе этих материалов – два «Очерка деятельности Издательской комиссии», которые были подготовлены в 1932 и 1937 гг. ее бессменным председателем – В. Д. Брянским, и журналы заседаний Издательской комиссии.

История создания, состав, «философия» деятельности

Прежде чем говорить об Издательской комиссии, необходимо сказать хотя бы два слова о ее учредителе – Русском культурном комитете в Белграде.

Эта организация была образована весной 1928 г. На первом заседании Русского культурного комитета, которое состоялось 29 мая 1928 г., профессор Белградского университета, президент Сербской Академии наук, председатель Державной комиссии по делам русских беженцев Александр Белич (1876–1960) отметил, что «целью новой организации является подъем и развитие тех граней жизни, "без которых особенно русский интеллигентный человек считает себя вычеркнутым из культурной жизни – науки, литературы и искусства, в которых он занимает достойное к общей чести Славянства место"» [Косик, 1992, с. 20].

Среди задач, которые поставил перед собой Русский культурный комитет, было создание: Русского научного института, публичной библиотеки, литературно-художественного журнала, книгоиздательства, музыкальной, художественной и театральной студий. Для реализации этой программы из государственного бюджета Югославии выделялось по 300 тыс. динар ежемесячно. Председателем Русского культурного комитета был избран А. Белич. Работа по всем обозначенным направлениям началась незамедлительно.

Издательская комиссия была учреждена на очередном заседании Русского культурного комитета 29 июня 1928 г. А первое заседание самой Издательской комиссии состоялось почти через месяц – 23 июля 1928 г. В дальнейшем – по крайней мере, в первые

[2] В 1946 г. вместе с другими фондами РЗИА фонд Русского культурного комитета был перевезен в СССР и передан в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР. В 1961 г. этот архив слился с Центральным государственным историческим архивом в г. Москве и стал называться Центральным государственным архивом Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР. В 1992 г. он был объединен с Центральным государственным архивом РСФСР, в результате чего и возник Государственный архив Российской Федерации.

годы существования Комиссии – ее заседания проходили обычно раз в неделю, но затем они «сократились, и Комиссия собиралась по мере надобности, но приблизительно раз в месяц»[3].

В первый состав Издательской комиссиивошли: Виктор Диодорович Брянский (1868–1944) – представитель Всероссийского союза городов, бывший член Совета начальника Управления внутренних дел Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России; Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951) – председатель Русского научного института, профессор Белградского университета (до 1930 г.); Александр Павлович Доброклонский (1856–1937) – председатель Совета по русской школе при Державной комиссии по делам беженцев, также профессор Белградского университета; Борис Михайлович Орешков (?–?) – представитель Русского культурного комитета, инженер, масон; Василий Михайлович Пронин (1882–1965) – полковник Генерального штаба, начальник канцелярии Державной комиссии Министерства иностранных дел, издатель и редактор «Военных сборников» и газеты «Русский голос», а также член-учредитель русского Военно-научного института в Белграде, преподаватель в белградском отделении Высших военно-научных курсов генерала Н. Н. Головина.

Председателем Издательской комиссии был избран В. Д. Брянский; функции секретаря были поручены В. М. Пронину; за реализацию книжной продукции стал отвечать Б. М. Орешков.

В дальнейшем в составе Издательской комиссии произошел ряд изменений. Уже с 1928 г. вместо отказавшегося участвовать в ее работе профессора А. П. Доброклонского Совет по русской школе в Издательской комиссии стал представлять Лев Михайлович Сухотин (1879–1948) – историк, земский деятель, преподаватель Русской гимназии и директор Русско-сербской женской гимназии. В конце 1930 г. профессора Е. В. Спекторского, получившего назначение в Люблянский университет, в Издательской комиссии сменил новый председатель Русского научного института профессор Федор Васильевич Тарановский (1875–1936). В декабре того же, 1930-го, года в состав Издательской комиссии по решению Русского культурного комитета вошел редактор-издатель белградской русской газеты «Новое слово» Михаил Алексеевич Суворин (1860–1936), сын знаменитого газетного магната А. С. Суворина. М. А. Суворину, среди прочего, была поручена

[3] ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

своего рода литературная экспертиза поступавших в Комиссию произведений. В 1936 г. членом Издательской комиссии снова стал профессор А. П. Доброклонский, сменивший умершего профессора Ф. В. Тарановского.

Такой, довольно «пестрый» состав Издательской комиссии позволил современному сербскому исследователю-эмигрантологу О. Джуричу усомниться в профессиональной состоятельности ее членов – как *организаторов* издательского процесса. По мнению О. Джурича, члены Издательской комиссии, будто бы не обладавшие ни достаточным опытом эдиционной практики, ни безупречным литературным чутьем, при выборе произведений для издания руководствовались не универсальными литературными критериями, а «преходящими политическими целями», что якобы и «предопределило неудачу, постигшую отличный замысел» [Ђурић, 1990, с. 186]. Нам подобное утверждение представляется весьма спорным. И вообще непонятно, на чем основаны столь категоричные выводы сербского эмигрантолога.

По крайней мере, если судить по материалам фонда Русского культурного комитета, которые хранятся в ГАРФ, то «политика», «преходящие политические цели» *никогда* не рассматривались Комиссией в качестве критериев при отборе произведений для издания.

В действительности Издательская комиссия руководствовалась в своей деятельности не политическими, а, скорее, *прагматико-дидактическими* соображениями. Своей главной задачей Комиссия считала помощь в воспитании и образовании эмигрантской молодежи и в соответствии с этим поставила себе целью обеспечить русские библиотеки, школы, высшие учебные заведения «хорошей и недорогой книгой, которая бы содействовала заложению в душах молодежи здоровых моральных, национальных и чисто человеческих начал»[4]. При этом во всех программных документах и в отчетах Издательской комиссии подчеркивалось: «Стремление к коммерческой наживе исключено, книги должны себя окупать и иметь хороший, красивый вид»[5].

Первоначально план действий Издательской комиссии включал следующие пункты: «1) издание русских классиков и <современных> писателей; 2) издание книг для юношества и детей и 3) издание учебников»[6]. В целом этот план был реализован. Но от реализации одного его пункта Комиссии пришлось отказаться –

[4] ГАРФ. Ф. Р. 6793. Оп. 1. Д. 1. Л. 113.
[5] Там же. Л. 63.
[6] Там же.

даже несмотря на то, что на самом первом этапе ее существования этот пункт был основополагающим: речь идет о переиздании произведений русских классиков. Как видно из журналов заседаний Издательской комиссии во второй половине 1928 г., для такого переиздания намечались «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Демон» М. Ю. Лермонтова и избранные рассказы Н. С. Лескова. Однако в конечном счете Издательская комиссия отдала предпочтение изданию произведений писателей-эмигрантов, контакты с которыми начали успешно развиваться с осени 1928 г.

Возникновению этих контактов существенно помог I съезд зарубежных русских писателей и журналистов, который прошел в Белграде с 25 сентября по 1 октября 1928 г. В работе съезда участвовали Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Вас. И. Немирович-Данченко, Е. Н. Чириков, А. И. Куприн, Б.К. Зайцев. В. Д. Брянскому удалось встретиться и вступить в переговоры с ними. Так Издательская комиссия получила своих первых авторов, а в Париже стали распространяться слухи о появлении в Югославии нового русского книгоиздательства.

Никакого «фирменного» наименования это книгоиздательство – за все время его существования – так и не получило, хотя вопрос о таком наименовании поднимался. Например, в протоколе заседания Издательской комиссии от 15 октября 1928 г. отмечено, что Комиссия приняла предложение профессора А. Белича «дать название издательству “Русский путь”»[7], однако в итоге издательство почему-то так и осталось безымянным.

Книжная продукция

Почти все книги, принятые Издательской комиссией в производство, были выпущены в составе трех серий: «Русская библиотека», «Детская библиотека» и «Библиотека для юношества». По данным известного польского исследователя Б. Кодзиса, таких книг было выпущено Издательской комиссией «более 50» [Кодзис, 2002, с. 147]. В работах других исследователей приводятся иные цифры. Например, О. Джурич, А. Б. Арсеньев, И. А. Шомракова пишут, что в рамках «Русской библиотеки» было выпущено 43 книги писателей-эмигрантов [см.: Ђурић, 1990, с. 197–202; Арсеньев, 1996, с. 55; Шомракова, 2000, с. 21]. Эта цифра изначально была определена О. Джуричем и его коллегой – сербским библиографом Й. Качаки в результате архивных и библиографических из-

[7] Там же. Л. 99 об.

ысканий. В то же время В. И. Косик говорит о 40 книгах [см.: Косик, 2007, с. 73]. Кто же тут прав?

В рамках книжной серии «Русская библиотека» с 1928 по 1937 гг. действительно было издано 43 книги. Но речь в данном случае идет не о *наименованиях*, а о *выпусках* внутри этой серии. Слово «книга» тут имеет не столько «общегуманитарный», сколько «технический», «полиграфический» смысл. Напомню: с точки зрения полиграфии, книга – это непериодическое текстовое произведение печати объемом свыше 48 страниц. Именно такие «непериодические произведения печати» и зафиксированы в библиографических обзорах О. Джурича и Й. Качаки.

Если внимательно рассмотреть хотя бы те перечни выпущенных Издательской комиссией книг, которые приводят в своих работах сербские исследователи, то легко заметить, что в ряде случаев эти «книги» (или выпуски) представляли собой *отдельные части* (отдельные тома) *одних и тех же* произведений. Так было, например, с книгами Д. С. Мережковского «Наполеон» (1929), «Атлантида-Европа. Тайна Запада» (1931) и «Иисус Неизвестный» (1932–1934), с «семейной хроникой» Е. Н. Чирикова «Отчий дом» (1929–1931), с фундаментальным историческим исследованием С. П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака» (1930–1931). Поэтому – *с точки зрения наименований* – Издательская комиссия выпустила в серии «Русская библиотека» не 43, а 31 книгу.

В серии «Детская библиотека» было издано 11 книг[8], в том числе: 6 выпусков «Народных русских сказок» в изложении П. Н. Полевого 1874 г. издания (1928–1929); книги Саши Черного «Серебряная елка» (1929) и «Румяная книжка» (1931), 2 выпуска «Сказок» В. С. Булич (1931), и сказка Н. А. Еленева «Белая башня» (1931).

В серии «Библиотека для юношества» были изданы только 2 книги: «На морском берегу» (1930) И. С. Шмелева и «Сильные духом» (1930) педагога и писателя Е. А. Елачича[9].

Кроме перечисленных изданий, Издательская комиссия выпустила также 2 учебника, которые предназначались для русских средних школ, – это «История средних веков» (1929) и «История нового времени» (1931) Л. М. Сухотина[10].

---

[8] В. И. Косик ошибочно пишет о 9 книгах (выпусках) [см.: Косик, 2007, с. 73].

[9] А. Б. Арсеньев пишет о «12 книжках “Детской библиотеки” и “Библиотеки для юношества”» [Арсеньев, 1996, с. 55], но это также досадная ошибка.

[10] Среди учебных пособий, выпущенных Издательской комиссией, О. Джурич называет также «Начала науки о государстве и обществе» (1929) Е. В. Спекторского и «Учебник общей географии» (1929) Б. Н. Протопопова. Однако Й. Качаки не подтверждает эти сведения: согласно его справочникам, эти книги были выпущены совсем другими издательствами.

Таким образом, за все время своего существования, с середины 1928 г. по начало 1937 г., Издательская комиссия выпустила *формально* (номинально) 58 книг, которым в действительности соответствует 41 наименование.

Материально-технические принципы деятельности

Принципиальная установка Издательской комиссии на отсутствие и даже недопустимость коммерческого интереса была обусловлена в первую очередь тем, что деятельность Комиссии финансировалась из государственной казны югославского королевства. Первоначально предполагалось, что в виде субсидий Издательская комиссия будет получать по 50 тыс. динар ежемесячно. Однако уже в середине осени 1928 г. сумма государственного ассигнования была сокращена ровно вдвое, т. е. до 25 тыс. динар в месяц. Причем из этой суммы предполагалось расходовать 18 тыс. динар на издание новых произведений и 7 тыс. – на переиздание классиков. Однако в итоге, в связи с отказом от такого переиздания, вся указанная сумма, очевидно, употреблялась на издание произведений писателей-эмигрантов.

В программных документах Издательской комиссии содержался ряд положений «технического» свойства, ставших впоследствии своего рода нормативно-материальной основой деятельности Комиссии. Эти положения касались формата, объема, тиража, шрифтового оформления изданий, качества используемой бумаги, размера авторских гонораров.

Так, было решено «установить однообразную форму для каждого вида издания отдельно, приняв для общелитературных произведений формат 58х84, а для детского издательства 50х80»[11].

Для художественно-литературных и учебных изданий был принят шрифт «корпус» (10 пунктов), для произведений детской литературы – «цицеро» (12 пунктов).

На основе социологического исследования, целью которого было изучение спроса со стороны эмигрантских «общественных, частных и кружковых библиотек», Комиссия постановила «книги печатать в количестве 2 000 экземпляров для классиков и детских книг и 1 500–1 000 [экземпляров] для остальных писателей»[12]. Однако реальность внесла в эти расчеты свои коррективы. Уже с начала 1930-х гг., вследствие, как писал В. Д. Брянский, «ухудшения рус-

[11] ГАРФ. Ф. Р.-6793. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.
[12] Там же.

ского книжного рынка», Издательская комиссия вынуждена была сократить тиражи с «типовых» 2 тыс. до 1,5 тыс., а затем и до 1 тыс. экземпляров.

Так как Издательская комиссия стремилась сделать свою продукцию по возможности образцовой, должна была использоваться бумага «хорошего качества, белая». В своем «Очерке деятельности Издательской комиссии» 1932 г. В. Д. Брянский пишет, что первоначально книги печатались на бумаге сорта «Хольцфрай-44». Однако уже с 1930 г., опять-таки вследствие экономических затруднений, Комиссии пришлось перейти на бумагу более низкого качества.

По первоначальному замыслу, объем каждой книги должен был составлять 10–12 авторских листов, при этом планировалось *ежемесячно* выпускать в среднем по 20–25 листов, т. е. по 2 книги. Однако в действительности, как указывал В. Д. Брянский, редкая книга, выпущенная Издательской комиссией, составляла менее 20 листов, а некоторые даже имели объем до 35 листов. Соответственно Комиссии не удалось выдержать и заявленный ритм выпуска книг (см. табл. 1).

Таблица 1

Падение производственной активности Издательской комиссии (по количеству изданий)

Год	Книжные серии			Учебники
	Русская библиотека	Детская библиотека	Библиотека для юношества	
1928	-	2	-	-
1929	13	5	-	1
1930	9	-	2	-
1931	11	4	-	1
1932	4	-	-	-
1933	2	-	-	-
1934	1	-	-	-
1935	2	-	-	-
1936	1	-	-	-
Итого	43	11	2	2
Всего	58			

Что касается авторских гонораров, то, как писал в 1932 г. в своем «Очерке деятельности Издательской комиссии» В. Д. Брянский, первоначально авторам предполагалось платить по 1 тыс. динар с листа и еще по 10% от «обложечной» (т. е. указанной на обложке, розничной) цены. Однако «ближайшие переговоры с авторами, а также общая мировая постановка авторского вознаграждения русским писателям внесли некое изменение в первоначальное предположение»[13]. В итоге, после неоднократных обсуждений, было решено выплачивать авторам вознаграждение «за впервые печатаемые Издательской комиссией труды – в размере 20% от обложечной цены» книги, «с выдачей аванса при начале печатания в размере 50% всей причитающейся данному писателю суммы»[14]. При переиздании «ранее печатавшихся трудов» гонорар сокращался до «10% с обложечной цены», но размер аванса оставался тем же. На практике в иных случаях аванс мог составлять и 25% от «обложечной» цены. Так или иначе, как отмечал в 1932 г. В. Д. Брянский, «это общее правило имело и отступления: так, некоторые книги были изданы без всякой выдачи авансов, а другие – с выдачей автору единовременного вознаграждения без всякой последующей уплаты процентов от продажи. Для издательского дела, – подчеркивал В. Д. Брянский, – последняя форма (т. е. выплата фиксированной суммы, или «фикса». – *А.Б.*) является наиболее удобной»[15].

В «Очерке деятельности Издательской комиссии» 1937 г. отмечено, что гонорары в виде «фикса» были выплачены Д. С. Мережковскому – за его «Атлантиду-Европу» и «Иисуса Неизвестного».

Что же касается «общего правила» начисления гонораров, то оно «применялось главным образом по отношению к авторам», внесенным в особый список: произведения таких авторов издавались в первую очередь. В этом списке значились имена М. А. Алданова, А. В. Амфитеатрова, И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, А. И. Куприна, Д. С. Мережковского, Вас. И. Немировича-Данченко, А. М. Ремизова, Е. Н. Чирикова, И. С. Шмелева. В то же время, если «оставались свободные средства, то издавались и другие авторы, но на других условиях, главным образом с уменьшением или даже с уничтожением аванса»[16].

---

[13] Там же. Л. 63 об.
[14] Там же. Л. 98–98 об.
[15] Там же. Л. 63 об.
[16] ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

Определенный интерес представляет расчет того, что в документах Издательской комиссии называется «обложечной» ценой. В эту цену закладывались следующие параметры: 1) расходы издательства – примерно 35%; 2) вознаграждение авторам – 20%; 3) скидка для распространителей (начиная с книжного магазина Державной комиссии) – 45%.

При этом Издательская комиссия оставляла в своем распоряжении 100 экземпляров, большая часть которых предназначалась: а) для выдачи авторских экземпляров (обычно 25–30 экз.); б) для бесплатной рассылки на отзыв в редакции газет и журналов, а также отдельным лицам, список которых утверждался Издательской комиссией (около 50 экз.). В «Очерке деятельности Издательской комиссии» 1937 г., среди прочего, говорится, что «каждая печатаемая книга через председателя Русского культурного одбора проф. Белича подносилась его величеству королю»[17].

Система распространения книг

С первых дней существования Издательской комиссии собственно книгоиздательская сторона дела была отделена от книготорговой. Распространение на первых порах было поручено Отделу труда Державной комиссии. «Это разделение, – отмечал впоследствии В. Д. Брянский, – может быть, было ошибкой при организации дела, т. к. издание книги и продажа ее должны быть тесно связаны между собою»[18].

Самым наглядным и, несомненно, роковым – для коммерческого благополучия Издательской комиссии – следствием этой «ошибки» были крайне вялые продажи. Убедиться в этом можно на примере реализации книги И. А. Бунина «Грамматика любви», которую Издательская комиссия выпустила в ноябре 1929 г. Как следует из регулярных (поначалу – ежесеместровых) отчетов Комиссии, с 13 ноября 1929 по 1 января 1937 гг. из 2 тыс. экземпляров этой книги было продано всего лишь 678 экземпляров, т. е. менее трети тиража (см. табл. 2).

[17] Там же. Л. 3 об.
[18] Там же. Л. 5 об.

Таблица 2

Продажи сборника И. А. Бунина «Грамматика любви», экз.

Год	I полугодие	II полугодие
1929	-	252
1930	123	30
1931	36	23
1932	16	2
1933	75	
1934	121	
1935		
1936		
Итого	678	

Разумеется, виновником столь низких продаж был не И. А. Бунин, а навязанная Издательской комиссии Русским культурным комитетом малоэффективная система книгораспространения. Одной из ее характерных особенностей был своего рода книжный «бартер»: книги, выпущенные Издательской комиссией и поступавшие в розницу, не столько продавались, сколько обменивались на книги других эмигрантских издательств. Вдобавок к этому ряд книжных магазинов требовал для себя более высокий процент скидки, чем тот, что предоставляла Издательская комиссия (60% вместо 45%). Из-за того, что Комиссия не соглашалась на подобные условия, магазины ничего не предпринимали для оптимизации продаж ее изданий.

Ситуацию усугубил мировой экономический кризис, одним из следствий которого был запрет на перемещение через границу национальных валют. Расчеты с зарубежными партнерами оказались существенно затруднены.

Система книгораспространения явно требовала пересмотра и реформирования. В мае 1931 г. В. Д. Брянский представил проект такой реформы. Смысл этого проекта состоял во введении в действие системы так называемого «зарубежного представительства»: предлагалось привлечь к сотрудничеству с Издательской комиссией крупнейших книжных комиссионеров (представителей) – главным образом в Париже. В. Д. Брянский обращался к И. А. Бунину, Д. С. Мережковскому, А. И. Куприну, А. М. Ремизову, К. Д. Бальмонту и

И. С. Шмелеву с просьбой указать таких комиссионеров. Однако из затеи с «зарубежным представительством» ничего не вышло. В конце 1932 г. Издательская комиссия заключила соглашение с частным предпринимателем – неким книготорговцем И. И. Строгановым, который взял на себя обязательства по продаже книг, выпущенных Комиссией. Однако это партнерство также оказалось для Издательской комиссии роковым: уже к 1934 г. И. И. Строганов запутался в расчетах с Комиссией и задолжал ей изрядную сумму.

Ликвидация

К концу 1935 г. Русский культурный комитет, по существу, утратил свое значение. Делами учреждений, основанных Комитетом, в том числе Издательской комиссии, занялась Державная комиссия по делам русских беженцев, хотя юридически она не имела никакого отношения к этим учреждениям.

Очевидный, по существу – катастрофический – спад в деятельности Издательской комиссии, а также ее коммерческие неудачи привели к тому, что Комиссия в конце концов была упразднена. Уведомление, подписанное дежурным членом Державной комиссии по делам русских беженцев С. Н. Смирновым, о ликвидации Издательской комиссии В. Д. Брянский получил в феврале 1937 г. Протесты В. Д. Брянского, пытавшегося доказать, в частности А. Беличу, что Державная комиссия не обладает полномочиями, которые позволяли бы ей принимать подобные решения, ни к чему не привели.

Выводы

Несмотря на то, что деятельность Издательской комиссии Русского культурного комитета в чисто экономическом отношении была не слишком удачной, Комиссия, безусловно, сыграла заметную роль в истории книжного дела Русского зарубежья, выпустив целый ряд замечательных книг и тем самым оказав их авторам финансовую поддержку, которая для них была совсем не лишней в условиях весьма скудного эмигрантского существования.

Список литературы

Арсеньев А. Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии: Сб. / Под ред. *А. Арсеньева, О. Кирилловой, М. Сибиновича*. М., 1996.

«Будь проклята нужда»: Переписка А. И. Куприна с председателем Издательской комиссии Русского культурного комитета в Белграде В. Д. Брянским. 1928–1931 гг. / Публ. А. Л. Райхцаума // Исторический архив. 1995. № 4.

«Ваша слава есть слава России»: Переписка И. А. Бунина с Издательской комиссией в Белграде. 1929–1933 гг. / Публ. А. Л. Райхцаума // Исторический архив. 1999. № 1.

Качаки И. Н. Библиография русских беженцев в Королевстве С.Х.С. (Югославии). 1920–1945 гг. / *Katchaki J.N.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S (Yugoslavia). 1920–1945. Arnhem, 1991.

Кодзис Б. Литературные центры русского зарубежья. 1918–1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание. München, 2002.

Косик В. И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4.

Косик В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е годы: Эссе. М., 2007.

Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп.; Краткий биогр. словарь русского зарубежья. Париж; М., 1996.

Шомракова И. А. Белградские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья, 1918–1940 / Сост. *А. Н. Николюкин*. М., 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры.

«Я – литератор старой школы»: Переписка А.В. Амфитеатрова с Издательской комиссией в Белграде. 1928–1937 гг. / Публ. А.Л. Райхцаума // Исторический архив. 1997. № 5–6.

Ђурић О. Руска литерарна Србија: 1920–1941 (Писци, кружоци и издања). Београд, 1990.

Качаки Ј. Руске избеглице у Краљевини СХС / Југославији: Библиогр. радова, 1920–1944: покушају реконструкције. Београд, 2003.

Поступила в редакцию
18.01.2016